

КРУПНЫЙ ПЛАН

15/15
Театр. Курсер. — 2003 —
июнь (№ 6). — С. 3

Пятница. Вечер. Старый Арбат. Я иду среди пестрой толпы в Театр Рубена Симонова на встречу с артистом Владом Демченко. В этом сезоне он сыграл главную роль в спектакле «Облом.ОК», очень красивом и необычном, где сцена покрыта живой травой, где идет настоящий дождь и снег, а сам Обломов болен странной болезнью totus, хотя и умирает вовсе не от нее. В маленьком дворике у театрального подъезда панки с разноцветными ирокезами хором поют под гитару бодрую песню. Спектакля сегодня нет, за кулисами бродят люди с видеокамерами.

— Влад, а что это за люди с телевидения ходят?

— Это американцы. Они снимали сцены из спектакля и интервью со мной. В будущем году «Облом.ОК» скорее всего поедет в Америку.

— Это правда, что за границей вас знают больше, чем в Москве?

— Как ни странно, да. Европа для меня стала уже родным домом. Причем я не знаю, что такое играть на эмигрантскую публику. Помимо Щукинского училища, закончил Берлинскую академию искусств. В Австрии сам организовал фестиваль малых форм, в Вене играл полтора года водевили Чехова «Медведь» и «Предложение» — на немецком языке, с австрийскими актрисами. Мне так повезло в жизни. Работаю в Берлине, Париже, Югославии. Даже выучил сербский язык, причем получилось это как-то само собой. В один прекрасный момент на пресс-конференции не оказалось переводчицы, и я взял и заговорил на сербском. Просто накопленная ранее лексика вдруг перешла в актив. От стресса.

— Я знаю, что вы сами создаете театральные проекты в качестве продюсера: «Контрабас» Зюскинда (первый в Москве), «Маленький принц» Экзюпери с Казарновской и солистами балета Большого театра. Теперь Обломов. Почему вы выбрали именно эту пьесу?

— Я ее не выбирал. Эту роль мне предложил режиссер Зуев, и я согласился, потому что ничего подобного никогда раньше не играл. Обломов — очень глубокая и трагическая личность. Мы играем его смерть, медленное умирание. И все — Штольц и Захар, Ольга и Пшеницына — прикладывают к этому руку. Растаскивают его по кусочкам. Человек, живущий никому не мешая, притягивает к себе, как магнит. От него требуют каких-то поступков, а для него это губительно, потому что он создан не для свершений, его поступок — жить. Есть, спать, рассуждать и никому не мешать. И в этом его талант. Лень — это тоже талант. И не каждому это дано. Я помню, как однажды я мучился с какой-то работой, и никак она у меня не получалась, и мой педагог сказал мне: «Вам надо просто поскуцать, надо заставить себя соскучиться, чтобы потом вернуться к работе уже с энергией, с желанием».

— Вас не смущает то, что сыграно уже около сорока спектаклей, а рецензий на него практически нет?

— А в этом нет ничего удивительного. Этот театр не жалует критики. Делают вид, что его просто не существует. Потому что его создал Евгений Симонов, долгие годы руководивший Театром имени Вахтангова. Я учился на его курсе, и когда мы выпустились, его из театра «ушли». На основе нашего курса Симонов создал свой театр. Иначе и не могло быть у этого гениального человека. Пять лет ему не давали помещения, и мы маялись по гастролям. Бесконечные переезды, нищета. Я помню, как воровал у соседей картошку. Потом Симонов выбыл это здание, но даже не вошел сюда ни разу: он умер за день до открытия. Дальше театром временно руководил директор. И критики прореагировали на это соответственно: нет театра.

— В прошлом номере мы спрашивали критиков, что они советуют посмотреть, а что нет. Заславский так и сказал: «Вообще не рекомендую ходить в Театр Рубена Симонова».

— Это потому что Заславский изначально не принимал Симонова. В нашем театре он видел один спектакль — «Валентин и Валентина», после чего написал в своей статье: зачем, мол, вообще это здание принадлежит этому театру? Но чтобы ты имел право на подобные рассуждения, ты должен увидеть все спектакли, а потом уже делать выводы. А судить по одному спектаклю и поливать грязью всех? Тем самым задевая и меня тоже? Конечно, я не самый популярный артист. Я работаю в «театре, которого нет».

— Ну как это нет? У меня есть много знакомых, которые очень любят ваш театр, ходят на все премьеры, знают всех артистов, которые здесь работают...

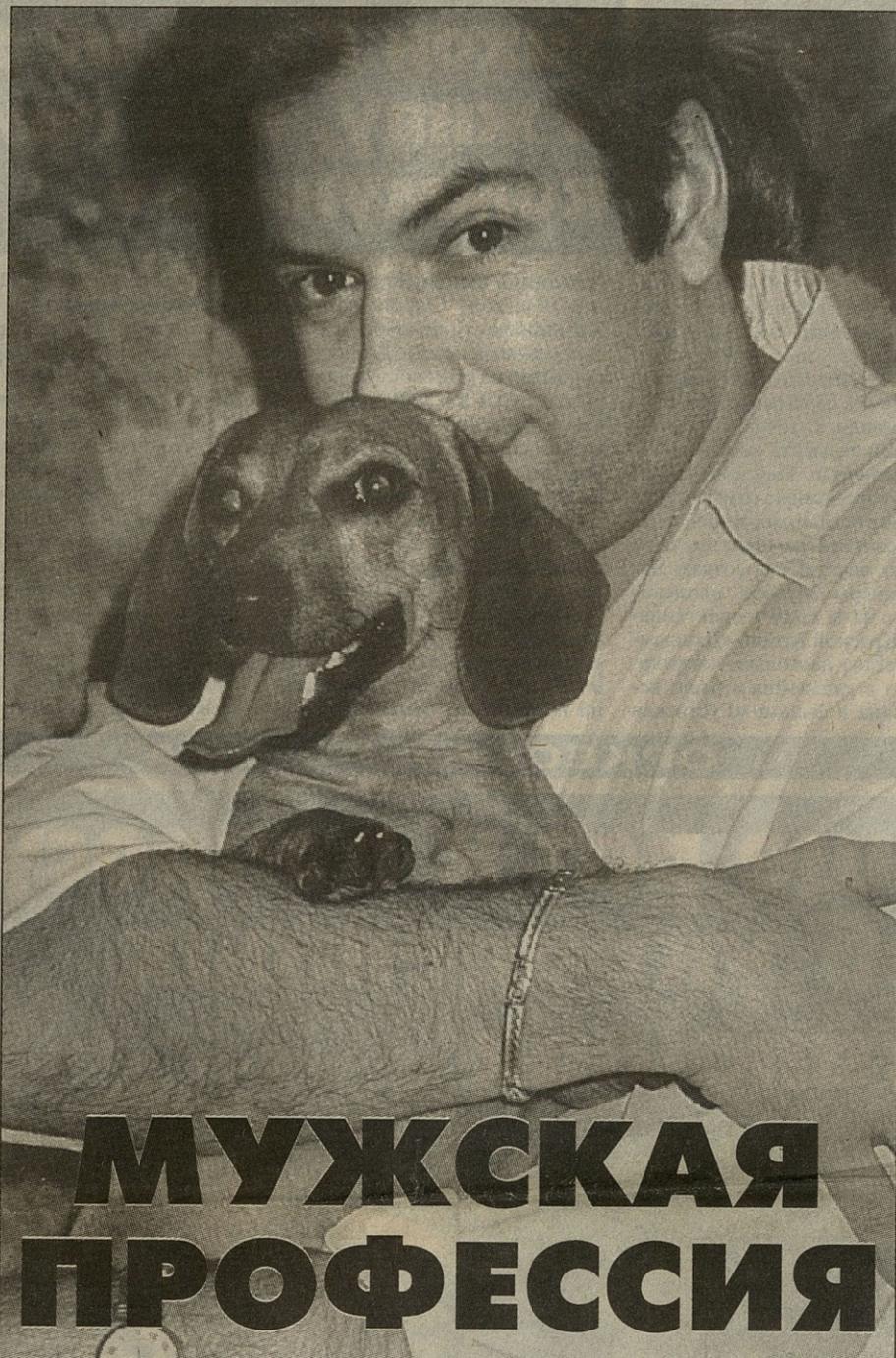
— Да, театру 15 лет, он имеет свою публику, своих поклонников.

— Роль продюсера не мешает вашей актерской карьере?

— Нет, конечно. Если ты хочешь сегодня что-то сыграть, ты должен либо ждать предложения, либо сам найти на это деньги. Потому что деньги дают независимость, право делать то, что ты хочешь. И я сам рассылаю факсы, хожу по кабинетам. Видите? (Показывает на столбец спонсоров на афише спектакля.) Все это — моя работа.

— Артисты по-разному относятся к этому моменту. Одним просить деньги кажется унизительным, другие превращают его в маленький спектакль. Помните артистку из Грибова, выпрашивавшую у министра оборудование для школы?

— Конечно, наша профессия связана с психологией, и вести переговоры артисту намного легче, чем пиар-менеджеру. Правда, при

МУЖСКАЯ ПРОФЕССИЯ

этом ты торгуешь своим лицом, и лицо это должно быть узнаваемым, чтобы человек, к которому ты пришел, сразу сказал тебе: «О! Я вас знаю», после чего уже можно вести разговор. Да, меня узнают. Но пока моя популярность находится на уровне менеджеров среднего звена, которые деньгами не распоряжаются. Нужно сниматься в сериалах. В них же снимаются одни и те же. Каналам нужны «звезды», чтобы была прибыль. Я думаю, если бы иностранец, не знающий языка, посмотрел какое-то время программы нашего телевидения, то у него наверняка сложилось бы представление, что некий гениальнейший артист играет в одном и том же сериале, который идет по всем каналам. Режиссер сейчас не решает, кто будет сниматься в сериале. Он зависит от продюсера. Ну что ж, таковы правила игры. Я на всю жизнь запомнил фразу Евгения Рубеновича, сказанную незадолго перед смертью: «Дитя мое, вам предстоит жить во время перевертышей, когда талантливое будет низведено до бездарного, а бездарное будет возведено в ранг великого».

— Ну а как же кастинги? Ведь проводят ся же они для чего-то?

— Я не хожу на кастинги, чтобы отстоять очередь и попробовать абы на какую роль. Тем более, что сейчас их не проводят режиссеры. А чтобы сняться в рекламе, тебя вообще должен утвердить заказчик. Да вы даже не представляете себе, что это такое! Когда сто человек артистов стоят с номерами на груди. «Ваш номер двадцатый. Пожалуйста, руки, лицо, профиль, улыбку. Вы не могли бы анекдот рассказать?» Все. Думаете, это дает какие-то деньги? 300 долларов, как правило.

— При этом реклама все-таки тоже способ растиражировать лицо, сделать его узнаваемым...

— Да о чем вы говорите?! Вы знаете, насколько это унизительно для драматического артиста? Когда я снялся в рекламе «Доктор МОМ» и в каждом вагоне метро висело по два три плаката, меня узнавали все и вся. Я стал рекламным фетишем. Да не приведи Господь такой славы! Вопрос, какой славы ты хочешь: сиюминутной, как в замечательном шоу «Фабрика звезд», или той, которая создается жизнью? Твоя задача — выбирать.

— Или ждать, когда выберут тебя.

— Да. Наша профессия такая: не ты выбираешь, а тебя выбирают. Каждый вечер, выходя на сцену, ты должен доказывать, что ты не верблюду. Я познал для себя рыночную экономику в тот момент, когда поступил в институт. Конкуренция начинается с самого начала.

— Да, расслабляться сегодня нельзя...

— Я вообще не знаю, что такое расслабляться. Закончил школу, и на следующий день после выпускного бала уехал в Москву. Сдал экзамены в Щукинское училище. Сделал в сочинении 72 ошибки, но Симонов видел во мне талант и пробил для меня в Министерстве культуры еще одну единицу. Ощущение счастья от поступления осознавать было некогда: учебный год уже давно начался, и надо было нагонять. Нужно встал вопрос с армией. У меня не было блага, чтобы устроиться в Театр советской армии, где можно пройти военную службу. В то время брали в Афганистан, а я у мамы — единственный сын. Я лег в сумасшедший дом. Мой однокурник, бывший врач, разработал мне историю болезни — контактная шизофрения. Это была моя первая роль, и сыграл я ее перед консилиумом психиатров. Причем надо было еще звонить бабушке, потому что обязательно родственники должны рассказать о том, какой я сумасшедший. 10 дней я провел там и получил нужный статус. Когда мой дедушка-генерал, мечтавший, что я стану морским офицером, узнал об этой истории, то перестал разговаривать со мной. И простил меня только, когда увидел на сцене во время гастролей в Петербурге. «Пожалуй, это на самом деле твое», — сказал он.

— Как вы думаете, что в карьере артиста становится решающим: упорство или везение?

— Кому-то достаточно попасть на пробу, оказаться в нужный момент в нужном месте и взметнуться ввысь. А кто-то серьезно идет к своей цели, но ему всегда не везет: здесь чуть-чуть опоздал, там чуть-чуть впереди. Поэтому его или не берут на роль, или он может сняться в очень хорошей картине, но тиражируют и рекламируют почему-то не ее, а какую-то другую.

— Ну вам все-таки грех жаловаться на судьбу. Вы много снимались и в достаточно известных фильмах: «Завтра была война», «Криминальный талант», «Афера», «Ахиллесова пята» и многих других...

— А я и не жалею. У меня есть работа, а в этом смысле я безусловно счастливый человек. Господь Бог очень милостив по отношению ко мне. Я не знаю, например, что такое маленькие роли. Я сам выбираю, что мне играть. Но просто так мне на голову ничего не сваливалось, и с 36-ти годам я понимаю: наверное, уже не свалится. Мне по жизни дано так: сколько наработаю, столько и получу. И я верю, что эта энергия даром не пройдет, что она обязательно выльется во что-то серьезное, если человек не порвет нить, останется верен себе.

Вот спросите Максима Суханова, сколько лет он просидел в Театре имени Вахтангова, ничего не играя, сниматься даже не помышлял. А сейчас? Вот вам пример цельности. В нашей профессии законов не существует. У каждого свой индивидуальный путь. И тут нельзя вывести какую-то среднестатистическую формулу успеха. К примеру, ты никогда не угадаешь, что расставшись с каким-то режиссером, вдруг однажды, спустя семь лет случайно не встретишь его в арбатском кафе, как это у меня случилось с Игорем Талпой, который, увидев меня, сказал: «А ты чего сейчас делаешь? А вот кстати, у меня есть роль для тебя в «Ахиллесовой пяте».

— Момент зависимости, долгие годы ожидания роли... Правильно говорят, что актер должен иметь женский характер, чтобы это все выдержать?

— Нет. Актер — абсолютно мужская профессия, более того — профессия экстремальная. Потому что на это уходит немалое количество энергии. Например, после спектакля «Шерше ля фам», где за два с половиной часа у меня 55 переодеваний, мне нужно тридцать минут просто сидеть, потому что я чувствую себя полностью истощенным. Плюс интриги, плюс ненормированный рабочий день, плюс работа в праздники. Мое любимое выражение — «волка ноги кормят». Я на самом деле, как волк: чтобы получить возможность халтуры, ты должен обегать всю Москву. Хотя это я так «халтурой» называю. На самом деле любимая работа, будь то ведение выставок или корпоративных вечеринок, требует отдачи, иначе второй раз тебя никто не пригласит. Я люблю придумывать какие-то необычные развлечения. Вот, например, мне в голову пришло такое ноу-хау: для пяти очень крупных бизнесменов, имена которых вам наверняка известны, но называть их я не буду, был создан спектакль «Снежная королева». Для них специально были написаны роли, заочно подобраны костюмы. Была найдена площадка, выстроена декорация, световая партитура. Дальше эти люди приехали, надели костюмы, им сделали грим, они вышли на сцену и сыграли этот спектакль вместе с профессиональными актрисами. В зале сидело пять зрителей. Такая закрытая вечеринка на 10 человек.

— А что дальше было с этим спектаклем?

— Ничего. Он прошел один раз. И все. Действительно необычно. Влад, а почему у вас в театре так мало ролей? Всего три?

— А я играю только то, что мне интересно. У меня есть мечты — Моцарт и Маркиз де Сад, но на них нужны большие деньги.

— Интересно, чем вас Маркиз де Сад привлекает?

— Маркиз де Сад — это прежде всего философ, который долго сидел в тюрьме и понял, что обществу можно показать его сущность только через его разложение. Вот фразы из его монолога: «Чтобы суметь отличить истину от неправды, нужно познать себя. Я себя не познал. Кто я — палач или жертва?» У меня уже был опыт... Я репетировал Маркиза де Сада в Театре на Таганке. И спектакль этот существует сейчас там благодаря мне. Это должен был быть совместный проект: Яковлев договорился с Любимовым. Сначала мы работали с режиссером Рыжим. Когда было готово 40 минут действия, его показали Любимову. Ему понравилось, и он стал репетировать с нами сам. Я и не подозревал, что роль была предложена Золотухину, и пока шли репетиции, он думал: играть ему или не играть. И когда роль Маркиза де Сада была уже почти полностью закончена, Золотухин согласился. А меня попросили сесть в зал. «А кто этот мальчик? Кто его учил?» — кричал Любимов. (А я тогда уже был заслуженным артистом.) И дальше началось унижение и уничтожение. Я не стал ждать развязки и ушел.

— Переживали?

— Конечно. Я полгода в себя не мог прийти: мне жить не хотелось. Но сейчас я ни о чем не жалею. Да, так бывает в театре. В жизни каждого актера случаются такие истории. И это надо просто принимать. Это не мешает мне любить мою профессию.

— Вы мечтали о ней с детства?

— Да. Мы жили с в Питере, рядом с домом был кинотеатр «Спартак», и на утренники мама отпущала меня одного. Давала 10 копеек на билет и 5 копеек на мороженое в хрустящем стаканчике. И в этом кинотеатре всегда шли очень красивые французские и итальянские фильмы. Это было погрузение в сказку, которой в жизни я был совершенно лишен. Ведь у меня было обычное советское детство, когда телевизор покупался в кредит, конфеты были только по праздникам, а мандарины — на Новый год. У нас с мамой была такая традиция: вечерами мы гуляли по набережным, и я всегда заглядывал в окна домов, стоявших на противоположном берегу. Рассматривал старинные люстры, лепные потолки, цветы на подоконниках и думал: «Наверное, здесь живут люди...»

— Счастливые люди...

— Да, возможно, именно так. В этом было какое-то тоже ощущение сказки, в которую так хотелось попасть. А теперь можно сказать, что я в нее попал. Хотя теперь уже не поймешь: сказка это или нет. Но когда ты выходишь на тысячный зал после хорошего спектакля, и весь зал встает, взрывается аплодисментами, и охапки цветов, то после этого ты летишь. Это такая энергия! И никакая твоя личная жизнь, никакая любовь никогда не дадут тебе такого ощущения чистого счастья!

Ирина БУРОВА

Влад Демченко (актер)

Обложка (Ирина)